

Из женских имен особый интерес представляют Шишик~Шишик и Чичак: здесь фактически мы имеем два диалектных варианта (ц~ч) одного имени. "Чичек"- имя довольно древнее в тюркском женском именнике Д.Моравчик и П.Гольден находят его в византийских источниках VII-VIII вв.¹ Это имя мы встречаем и в "Китаби-деде Коркуд": дочь Байбеджан бека звали Бану Чичак.² В армянских письменных памятниках оно зафиксировано с 1336 года.³ Таким же древним является его ц-вариант, Шишик, который в современном удинском языке употребляется в двух значениях - "цветок" и "женская грудь, сосок"⁴. М.Бежанов писал о развалине церкви "Кала цицик" (т.е. хромой цветок), построенной на свят. лице недалеко от Варташена. Думается, что здесь речь идет не о цветке (ведь трудно допустить, что понятие "хромота" относится к цветку), а о девушке по имени Шишик. Неточность же М.Бежанова объясняется тем, что это имя - древнекызычакский вариант Чичак - ко второй половине XIX века уже вышло из употребления у удин, в то время как его ч-вариант широко представлен в женском именнике.

Имена Бальсти, Тамам, причисляемые В.А.Никоновым к разряду дезидеративов⁵, в азербайджанской антропонимии также носят характер желаний: родители таким образом выражали свое желание, чтобы впереди у них рождались только мальчики. Они заимствованы удинами в готовом виде, так как удинской традиции номинации детей не свойственна указанная тенденция.

Значительная часть женских имен образована с помощью фит-имен и зоонимов, а также путем слияния двух слов, одним из которых часто являлся активный в тюркском иметворчестве компонент "галь" (роза, цветок). Так, М.Н.Чобанов указывает на наличие 312 мужских и 284 женских имен с этим компонентом в азербайджанском именнике,⁶ а Р.А.Ачарян - более 40 женских имен в армянских письменных источниках⁸.

1. См.: Mora sik J. Указ. раб., II, с.313; Peter B. Guiden. Khazar Studies. Ar. historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. I, Budapest, 1980, с.155-176.

2. "Китай-Дадэ Горгуб". Баку, 1978, с.50.

3. См.: Ачарян Р.А. Указ. словарь, т.IV, с.217.

4. Шишик в значении "грудь, сосок" может быть табуированной формой названия женской груди и соска.

5. См.: Бежанов М. Указ. раб., с.224-225.

6. См.: Никонов В.А. Указ. раб., с.98.

7. Чобанов М.Азербајҹан антропонимијасының әсаслары. Тбилиси, 1983, с.23.

8. См.: Ачарян Р.А. Указ. словарь, т.I, Ереван, 1942, с.498-508.

Азербайджанские собственно-личные имена, функционирующие в системе удинской антропонимии, не ограничиваются вышеупомянутыми. Здесь упомянуты наиболее характерные. Заметим, что проникновение тюркских-азербайджанских личных имен в удинский именник и широкое употребление их в течение столетий имеет свои исторические корни и обуславливается первым долгом многовековыми регулярными этнокультурными и этнолингвистическими контактами удин с азербайджанцами.

Глава вторая диссертации посвящена удинским фамилиям, отчествам и прозвищам, образованным с помощью азербайджанских ант-понимов.

Исследователями отмечено, что личные имена, в том числе средства побочной номинации, могут послужить источником ценной информации об истории, социально-политической и культурной жизни, мировоззрении и идеологии того или иного народа.

Не обязательно, чтобы антропонимическая система всех народов включала в себя все без исключения формы побочной номинации. Так, "у исландцев нет фамилий, чеха, поляка, болгарина не называют по отчеству, у некоторых народов Океании нет ни фамилий, ни отчеств".¹

Определить историю возникновения средств добавочной номинации у народов со старописьменной традицией сравнительно легко.

Благодаря письменным источникам, например, установлено, что в России княжеские и боярские фамилии возникли уже в XIV-XV вв.²; у закавказских народов фамилии появились в основном в XIX веке³. В Азербайджане в XIX столетии "развитие широкой административной и хозяйственной сети потребовало введения фамилий, не характерных в средние века"⁴, а у дагестанских народов только в начале столетии "появляется тенденция создавать фамилии, поставив имя отца или де-

1. См.: Никонов В.А. Указ. раб., с.92.

2. См.: Чичагов В.Л. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с.124; Веселовский С.В. Указ. раб.; Баскаров Н.А. Указ. раб., с.10; Никонов В.А. Указ. раб., с.17.

3. См.: Ачарян Р.А. Указ. словарь, т.I, Ереван, 1962, с.352-360; Тер-Саркисян А.И. Из антропонимии армян.-В кн.: "Ономастика Кавказа". Махачкала, 1976, с.262; Бедошвили Г.В.О грузинских фамилиях.-В кн. "Антропонимика", М., 1970, с.132-133; Садиков Ш.М. Указ. раб., с.65-67.

4. См.: Садиков З.А. Из истории азербайджанских личных имен.-В кн. "Ономастика Кавказа", Махачкала, 1976, с.230.

да в родительном падеже¹. Однако, современное социальное положение удин не дает никакой информации об их классовом делении в прошлом, о времени возникновения у них фамилий, отражении в них различных сословий.

На первый взгляд, удинская антропонимическая система по своей структуре почти не отличается от грузинской и азербайджанской, т.е. соответствует общей формуле, исторически сложившейся из трехчленного словосочетания имя+отчество+фамилия [ср. груз. Илья Григориес дзе Чавчавадзе = Илья Григорьевич (букв. Григория сын) Чавчавадзе - азерб. Муса Керим оғызы Велиев = Муса Керимович (букв. Керима сын) Велиев - удин. Захарья Минаси гъэр Джеянхой = Захария Минасович (букв. Минаса сын) Джейранов]. Однако в азербайджанском, грузинском, русском и в других письменных языках официальное написание трехчленного словосочетания соответствует обще принятой форме.

В удинском же наблюдается более сложная картина: Къойайсыгъаре Рубен Бабай гъэр, например, фактически четырехчленное сочетание: къойайс (фамильная основа на якного смыслового значения) + гъаре (из рода) + Рубен (имя) + Бабай гъэр (сын Баба). Сказанное относится ко всем удинским фамилиям; только лишь их официальная, документированная форма, которая существует с XIX века², соответствует обще принятой формуле - трехчленному сочетанию. Однако, в письменных источниках XIX века встречаются в основном двухчленные сочетания типа имя+фамилия.

Формирование документированных официальных фамилий у удин, по всей вероятности, относится к середине XIX века, особенно к 50-60 гг., когда в Нидже и Варташене были открыты школы³. С этих пор, в зависимости от вероисповедания, к фамильным основам удин добавлялись -ов, -ев (у православных) и -ан/-ян (у григориан). Но эти окончания были указаны только лишь в официальных документах; у самих удин в устной речи они не употребляются по сей день. Вместо них функционируют древние фамилиеобразовательные элементы:

1. См.: Мейланова У.А. Новое в антропонимии дагестанских народов. - В кн.: "Ономастика Кавказа", Махачкала, 1976, с.199.

2. К такому заключению приводит нас тот факт, что письмо от удина Петру I в 1724 г. из 7-ми селений Кабалинского округа (совр. территория Куткашенского района) подписано только лишь по именам: Байрам, Насир, Алахверди, Минас, Еарсег и т.д. (см.: Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы. СПб., 1898. Листам №280, с.427-428).

3. См.: Беканов М. Указ.рас., с.216.

гъар-и (> аар-и), "сын, дитя; потомок", хой "род", айыл "дитя, потомок", кедаъ "холоп, слуга", а также аффиксы принадлежности -и, -[и] й, -а[и], -и.

Исследование показало, что в удинской антропонимической системе большинство фамилий соответствует родовым названиям, т.е. фамилия фактически является фамильным знаком, причем каждый из удинских родов имеет отдельную, присущую только ему родовую фамилию. Например, в селе Нидж, где представлено более 60 процентов удин, квартал Фалчулу состоит из родов-фамилий Балчархой/Фалчиин, Манджархой/Манджиин, Кураинхой/Курачин, Агъальзакхой/Агаджанов, Часаногхой/Гасанин, Лейланхой/Лейлинин, Бойахчииной/Бойхчиев, Джаъллахтхой/Джаллатян, Чальчибирхой/Чалабян и т.д. Основами этих фамилий-патронимов служат азербайджанские или заимствованые через посредство азербайджанского слова и имени балчи "гадальщик", курен "вельможа", ажачай "хозяин добный", басен "Тасав", Лејли "Лейли", бојакчи "красильщик", чалдац "палац", чалеби "святой" и т.д. К этому списку можно добавить и следующие фамильные основы: Агъай (Агаев/Агаян), Адлугъархой (Ашугов/Ашугян), Атагъой (Атав/Атаян), Балай (Балаев/Балаян), Дабагчи (Дабагов/Дабагян), Динчиар (Динчиин), Дурмуши (Дургушой/Дурмушов/Дурмушин), Йенигибархой (Йенигибаров/Йенигиарян), Күпманнай (Күпманхой/Күпманин), Лачиархой (Лачинин), Къаракадегъой (Гарагедаев/Гарагедаян), Топчин (Топчиев), СиликГари (Силико/Силико), Найдуми (Айрумян) и др.

Это, разумеется, далеко не полный список удинских фамилий, образованных от основ азербайджанских слов и собственно-личных имён. То, что это давние заимствования, доказывается древностью родового деления у удин. А фамильные функции эти патронимы стали выполнять значительно позже. Это связано еще с тем временем, когда, как отмечает А.В.Суперанская, "основным признаком рода было его имя", бережно сохранявшееся и в последующем. "Например, имена тюркских и монгольских родов, первые сведения о которых находим в китайских источниках начала нашей эры, сохраняются до настоящего времени в почти не изменившемся виде если не считать фонетических особенностей передающих языков"⁴. Кроме того, это связано с именем (названием) конкретного рода, семьи - носителя той или иной фамилии. "Фамилии, т.е. семейные генона, являются непос-

4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственн. с. М., 1973, с.17.

редственными прародителями родовых имен¹.

Удинские фамилии, с точки зрения их образования, можно разделить на следующие группы:

1/ Фамилии, образованные от терминов рода - ата (отец), баба (отец), бала (дитя) и др. Ата в современной удинской антропонимии представлено только в качестве фамильной основы, а баба наряду с этой функцией встречается еще и как лично-собственное имя. В удинском языке это древнетюркское слово сохраняет свою первичную семантику. В "Удинско-грузинском словаре" Е.Ф.Джейранишвили читаем: баба (Нидж. бава) "отец" (греч. мама), баба-къолж (Нидж. -бавай къолж) "дом отца; отцовский дом" (греч. мама "ахис") ... кашаба < калабаба "дед", букв. "старший отец" ...² В "Удинско-азербайджанско-русском словаре" В.Л.Гукасяна производятся почти все дериваты, образованные с помощью "баба/бава"³.

Относительно русской фамилии Бабичев Н.А.Баскаров пишет: "Бабичев от болг. ьава "женщина" или тюрк. ьава "отец, дед"⁴; С.Б.Веселовский отмечает, что Баба, Бабич были русскими князьями в XIV-XV вв., а Бабаев Семен Евстафьевич - основатель русской фамилии Бабаев⁵. По Р.А.Ачаряну тюркское баба "отец" как собственно-личное имя зафиксировано в армянских письменных источниках с 1453 г.⁶. Таким же активным в удинской антропонимии является азербайджанское слово бала "дитя" - см.: Бала, Балабай, Балаханум...;

2/ Фамилии, образованные с помощью этнонимов. Особый интерес вызывает наличие в удинской антропонимии этнонима айрум/айрым. Дело в том, что большинство тюркских собственно-личных имен, заимствованных удинам⁷, представлены и в именнике азербайджанцев, проживающих совместно с удинами в исторических Кабалинском и Шекинском округах, но в данном регионе айрумы не проживали. По всей вероятности, фамильная основа Айрум- первоначально служила родовым прозвищем, а впоследствии уже превратилась в родовой /фамильный знак представителей этого рода.

1.Суперанская А.В. Указ. раб., с.17,

2.Джейранишвили Е.Ф. Удинский язык /резюме на русском языке/. Тбилиси, 1971, с.194.

3.См.:Воронил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, с.65.

4.Баскаров Н.А. Указ. раб., с.242.

5.См.:Веселовский С.Б.Указ.раб., с.18.

6.См.:Ачарян Р.А.Указ.словарь, Т.1, с.849.

3/ Фамилии, образованные с помощью зоонимов (зоофорные антропонимы) - Марал-, Джейран- и др. Мотивы номинации детей зоофорными именами собственными обнаруживаются исследователями по-разному. Вердикто, это с одной стороны связано с тотемизмом и зоопатрией; нередко при этом прослеживалась в древности цель - табуирование личных имен, чтобы ввести в заблуждение злые духи (на встречающиеся до сих пор в Азербайджане случаи номинации подобными именами указывает Ш.М.Саддикев)¹; с другой стороны, это связано с различными пожеланиями родителей.

4/ Фамилии, образованные от наименований профессий, ремесел, типулов и т.п. Имена и фамильные основы, образованные от номина agentis, в удинской антропонимии занимают большое место. Например: Даымирчи-, Фалчи-, Динчи-, Бойакчи-, Избали-/Ильзбали- "сотник", Толчи-, Тархан-, Вальзир- и др. Вердикто, сначала они были заимствованы в качестве собственно-личных имен, а в дальнейшем превратились в основы фамилий.

Отчества. Модель образования отчеств в удинской антропонимии сходна с таковыми в азербайджанской и грузинской: удинские "гъар" (сын) и "хинар/хуйайр" (дочь) адекватны азербайджанским "овлу" и "гъизы", грузинским "ձեզ/շելի" и "ասուլի". Например, удин. Къара-байи хуйайр Чичай (Чичак дочь Гарабека), АкIари гъар Гурген (Гурген сын Акара).

В удинской антропонимии отчества в древности вообще не функционировали и удины между собой не употребляют их и по сей день. Здесь мы имеем довольно оригинальную форму номинации: родовой знак (фамилия) +имя, которая фактически является трехчленным словосочетанием, так как родовой знак включает фамильную основу-гъари "сын" или хой "род", например: Фалчари (<Фалчи-гъари) Аслан, Дурмушкой (Дурмуг хой) Сальным.

Официальная форма отчества в удинской антропонимии начала функционировать наряду с официальной формой фамилий. Они твердо соответствовали русским моделям на -ович/евич, -овна/евна (в Грузии с 20-х гг. XX века -шили, -асули). Если учсть, что указанные форманты в русской антропонимии появились с XIX-XII вв., а в некоторых провинциях России в XIX-XX столетиях², то в удинской антrop-

1.См.:Саддикев Ш.М. Основные правила выбора имен для новорожденных. В кн.: "Личные имена в прошлом, настоящем и будущем", с.186-187.

2.См.:Суперанская А.В.Указ.раб. с.316-317; Смирн. Г.Я.История отчеств.

- В кн.: "Ономастика Поволжья", Уфа, 1973, с.179.

поними они могли бы функционировать не раньше середины XIX века, в связи с развитием культурно-просветительной сети (открытием 4-х годичного земского училища в 1860 г. в Барташеве, распространением православия и т.п. факторами).

Примечателен и тот факт, что в удинском антропонимиконе существуют (очевидно, с давних пор) и прозвищные отчества, которые образовались от прозвищных имен: Джомин Къарабейе гъяр Аслан (Аслан сын Гарабека по прозвищу Джоми). Прозвищные имена существовали и в других языках¹, в том числе и в тюркских, свидетельством чему могут быть такие русские фамилии тюркского происхождения, как Агзамазов (букв. "заплачущий"), Аксак/Аксаков (букв. "хромой"), Бужур (букв. "рабой") и др.²

Прозвища. Понятия " псевдоним" и "прозвище" в азербайджанской антропонимии передаются в основном арабскими словами "лагас" и "тахаллус". З.А.Садыхов полагает, что "в азербайджанской антропонимике еще в очень далекие времена различались настоящие имена и прозвища. Как особые группы слов - прозвища употреблялись с целью большой конкретизации, уточнения лица"³. Ш.М.Саадиев считает, что прозвища - это дополнительные имена, которые даются человеку в определенное время его жизни, а тахаллусы в большинстве случаев образуются от обычных слов⁴. Удина в основном имеют прозвища, которые в прошлом играли довольно важную роль, так как они служили где-то и родовым /фамильным/ знаком. Подобные явления встречаются в антропонимии древних римлян⁵ и у русских⁶. Удинские прозвища делятся на семейно-родовые и на лично-индивидуальные.

Семейно-родовые прозвища характерны для большинства удинских семей, причем и в свою очередь можно классифицировать на:
1/ прозвища древние, передавшиеся по наследству и 2/ прозвища по деяниям и праяматам отдельных членов семьи, которые были присущи

когда-то одному лицу, но в последующем распространенные на всех потомков его первого обладателя.

Семейно-родовые прозвища удин весьма древние. Наблюдаются прозвища, которые исторически были собственно-личными именами, но в последующем их номинативное значение забылось удинами и они превратились в прозвища. Так, Панд, некогда собственно-личное имя, которое носил один из католиковов Кавказской Албании в VII веке⁷, в с.Нидж ныне является семейно-родовым прозвищем Автандиловых.

В отличии от исконно удинских прозвищ, заимствованные прозвища большей частью носят индивидуальный характер. Причем, подобные экзогенные прозвища, так же, как и образованные удинами, состоят не только из исконно тюркских-азербайджанских, но и из арабских и персидских слов, вошедших в удинский язык через посредство азербайджанского. Примерами сказанному могут быть: Къочи "атаман, главарь", Къузи "барашек, ягненок" (здесь в значении "тихий; кроткий"), Чагъар "зеленоглазый", Шор "творог", Пендир "сыр", Качи "козел", Къодугъ "жеребенок", Къинчиц "меч", "сабля", Кылыз - кэлэз, "ящерица", Йоконкугъ "дитя, ребенок", Чакъыл "шакал", Гызыл и Кычыл "короткий, низкорослый", Йылда "ткач", Йжоми "род", Чанка "заместитель бека", Чогъя (от др.турк. личного имени Чогы), Иди "бог" и десятки других. Имеются прозвища, которые или имеют зафиксированную историю (напр. Мислы баба "дед с гвоздем" - прозвище удина - предводителя крестьянского восстания в начале XVIII века⁸), или образованы с помощью давно архаизировавшихся в азербайджанском языке слов (напр. Чанка, Чогы, Иди и др., о функционировании которых в азербайджанском антропонимиконе ничего нам не известно; но из косвенных источников известно, что чанка является титулом, обозначавшим тех сыновей беков, которые родились от хедчин из остых родов, пример - Сурхайхан Казикумуский⁹).

Глава третья посвящена фонетической, морфологической и семантической характеристике тюркских-азербайджанских личных имён в удинской антропонимической системе.

1. См.: Чагаев В.К. Указ.раб., с.54-55.

2. См.: Вараздовский С.Б. Указ.раб., с.9-10, 52; Баскаков Н.А. Указ. раб., с.73-75, 115 и др.

3. Садыхов З.А. Личные имена в азербайджанском языке. Автореф.канд. диссер. Баку, 1975, с.10-11, 14.

4. См.: Саадиев Ш.М. Адәэр нечеј яраимышыр. Баку, 1969, с.58-61; Үәсрәт өңсөкөн Төхәмілүслөр, җарыслар. жур. "Елм ве Наят". Баку, 1980, №1, с.38.

5. См. О прозвище Лонг "длинный" в книге: Суздалский Ю.П., Селецкий Б.П., Герман М.И. На семи холмах. М., 1965, с.56.

6. См.: Поротников П.Т. Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Галинского района Свердловской области - В кн.: Антропонимика. М., 1970, с.151.

7. См.: История Агван Моисея Каганкатали, с.229.

8. См.: Захария Канакерци. Хроника. М., 1969, с.71-73; Петрушевский И.П.

Очерк по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-начале XIX вв. Ленинград, 1949, с.32-330.

9. См. Сборник сведений о кавказских горцах. т.2, Тифлис, 1869, с.15.

Звуковой состав удинского языка богат и сложен. В азербайджанском и удинском языках адекватными являются гласные а, е, и, о, у, и; переднеязычный "э" (ə) в удинском не имеет устойчивой позиции: в собственно-личных именах в большинстве случаев он сохраняется (ср. Бәсти > Басты, Бәjlәr > Байла́р, Тәзекүл > Тальзыкуль и т.д.), но в зависимости от последующих или предшествующих звуков он может передаваться также через посредство "а" и фарингализованного "ъ" ('әсән > Насан, Сәмәнд > Шамъаңд). Часто в результате замены согласных в азербайджанских именах происходит чередование гласных. Так, "и" в древнетюркском мужском имени Чогы в удинском передается через посредство "и", потому что инициальная глухая аффриката "ч" здесь переходит в преруптивный "чI", а звонкий спирант "г" – в глухой смычный непридыхательный "кI" (ср. Чогы > Чоклы, а также джигит > Чыкынты).

При образовании фамилий от именных основ в экзогенных именах в удинском языке наблюдается выпадение отдельных конечных (исходных) гласных (Дәлләк > Даыллабы, но Даллари/Даллакян, Дәмирчи > Даымчи, но Даымчари/Дамирчиян, Мешә > Меша́й, но Мешари/Мешаян и др.).

Согласных исторически было больше как в удинском, так и в азербайджанском языках¹. При замене последующих согласных "и", "т", "г", "к", "къ" и др. на "ч", "тI", "кI", "къ", "хъ" и др. наблюдается чередование ч > чI, дж > чI, ч > цI, д > тI и т.п. (ср. Чанка > Чанкыла, Чогы > Чоклы, джигит > Чыкынты, Чичәј > ШицикI/ШициакI, Гыдыл > Кындыл/Кычыл, даин > тай и др.).

Результатом фонетической адаптации следует, по-видимому, считать употребление в удинском языке тюрко-монгольского Курен в форме "Күръайн" (ср. монг. Турген – название реки на северо-западе с. Нидж > удин. Туъркань; азерб. Түрҗан чај). Бага в письменном монг. (XII–XIII вв.) употреблялось как название высокого титула, а в удинском он функционирует в индигенном виде или же с "и" в конце уже в качестве личного имени (База > Багай/Барай). Клутуз (азерб. гудуз "бешеный") в удинском – женское прозвище, сохранившееся в азербайджанской традиции (Башик > Клутуз).

I.См.: Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980, с.335.; Гукасян В.Л. О фонемном новообразовании – "Советская тюркология". Баку, 1978, №5, с.33–43.

ет древнетюркскую (кипчакскую) форму Күтих², отмеченную еще в "Диване" Махмуда Кашигари /XI в./¹ и в других письменных памятниках.

Особый интерес представляет наличие у удин почти без фонетических изменений таких древнетюркских-азербайджанских собственно-личных имён, как Йенгибар (с "ы", Йерим-, Йазыл-, Чинтал-, Джоми, АкIар, Алугъ и многих других. Наблюдаются случаи употребления одного имени в нескольких вариантах. Так, удинское Усуб – это кипчакская форма имени Юсиф/Иосиф, а Улик – л-вариант личного имени Уриг/Уруғ²; здесь одновременно употребляются 4 варианта имени Муса – Моси, Муси, Мусес, Мовсес, причем второй вариант не наблюдается в именнике других народов, он фактически является графическим вариантом арабского Муса (ср. Иса ~ Иси, Муса ~ Муси).

Относительно морфологической структуры тюркских личных имён, заимствованных удинами, можно сказать, что простые имена и прозвища в количественном отношении незначительны. Производные имена осложнены словообразовательными элементами, а сложные состоят из двух и более основ и словообразовательных элементов (напр. Агъаси, Дутумуш, Байла́р, но: Агъаджан, Йенгебар, Айнакуль, Балаханум, Къарабай и др.).

Образование удинских фамилий – процесс довольно сложный. –ов/-иев и –ақ/-иан нередко присоединяются к осложненным фамильным основам (напр.: Агъаси-ев, Байла́р-ов, Даымчи -иан и др.).

Образование официальной формы отчества тесно связано с образованием фамилий. В официальной сфере употребления отчество в удинской антропонимии независимо от фамильных окончаний образуется с помощью –ович/-евич, –овна/-эвна, а в неофициальной – путем добавления "гъэр", "хинар/хуйяэр", т.е. имя отца употребляется в качестве пределения по отношению к имени сына или дочери (чай он/она, кто его/её отец).

Семантика собственно-личных имён и прозвищ тесно связана с историей и этнографией народа, так как в этих двух категориях находят свое отражение все стороны жизни и быта, дум, чаяний и устремлений, мировоззрения данного общества и народа.

Существующую в антропонимике лексико-семантическую класси-

I.См.: Mahmut Kasgari . Указ.раб., т. I, с.365.
2.Там же.

фикацию В.А.Никонов считает лингвистической. Он отмечает, что родители, нарекая своих детей именем Арслан, вовсе не думали "о льве - четвероногом млекопитающим, а хотели, чтобы мальчик стал сильным и смелым как лев..."¹. Замечание его справедливо, но предложенная классификация все же не лингвистическая: ведь родители, нарекая своих детей именами зайца, собаки, крысы и т.п., вряд ли желали, чтобы их дети выросли с характерными чертами, присущими этим животным; скорее всего это метафорические имена, которые связаны с мировоззрением (totемическим, культовым и т.п.) данного народа. Поэтому, следуя принципам традиционной семантической классификации, мы исходили именно из этого аспекта, тесно связанного, к тому же, с возникновением и образованием личных имен. Все экзогенные (турецкие-азербайджанские) личные имена в удинском языке нами подразделены на 9 разрядов, в том числе на антропонимы, связанные с названиями животных, растений, должностей и титулов и т.д. Здесь хотелось бы обратить внимание на такое весьма интересное явление, связанное, на наш взгляд, с этнографией удин: некоторые женские имена служат фамильными основами (напр. Лачин > Лачинов, Джейран > Джейранов, Марал > Маралян), что, по-видимому, объясняется пережитками матриархата. Неслучайно, что иногда в качестве отчества выступает матроним (напр., Аванесова Арник Таллиевна - от женского имени Талли в с.Нидж).

В заключении суммируются основные положения диссертации. Отмечается, что удинская антропонимия по своему составу очень богата, кроме иядигенных имен мы имеем здесь также личные имена, проникшие из разных языков, и среди этих заимствований значительное место занимают турецкие-азербайджанские. Как известует из переписей населения, в XIX-нач.XX вв. количество их было значительно больше. Они выступают в качестве собственно-личных имен, фамилий и прозвищ.

Особое место в диссертации занимают антропонимы, проникшие в удинский именник через посредство древних диалектов азербайджанского языка, так как они являются лексическими единицами, относящимися к древнетюркскому (древнеазербайджанскому) лексическому цеху и представляют научное значение для изучения истории азербайджанского языка дописьменного периода и исторической лексики удинского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Удинская антропонимия.- Тезисы докладов III Республиканской научной конференции молодых лингвистов, посвященной 60-летию образования СССР. Ереван, 1982, с.52.
2. Влияние языковых контактов на антропонимию удин.- Материалы научной конференции аспирантов и молодых научных работников, посвященной 200-летию Георгиевского трактата. Тбилиси, 1983, с. 54-57.
3. Древнетюркские собственно-личные имена в удинской антропонимической системе.- В сб.: "Азәрбајҹан филологиясы мәсалалари". Баку, 1984. I.07- I2.
4. Лексико-грамматические и фонетические особенности употребления азербайджанских личных имен в удинской антропонимии на азерб.яз./.- Известия АН Азерб.ССР, серия литературы, языка и искусства. 1984, №1.

Руза